

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

SCHOLA-2022

Сборник научных статей факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Под редакцией
А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца

Издательство Московского университета
2022

УДК 32
ББК 66

270-летию
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
посвящается

Печатается по решению
Ученого совета факультета политологии
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Издание подготовлено в рамках
Программы развития
Междисциплинарной научно-образовательной школы
Московского университета
«Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

SCHOLA-2022: сборник научных статей факультета политологии
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова /
редакция А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца; сост. А. В. Мырикова,
А. Б. Страхов, А. А. Ширинянец; подг. текстов Д. Ю. Кургинова,
А. Б. Страхов. — Москва: Издательство Московского университета, 2022.
— 239, [1] с.

ISBN 978-5-19-011823-0

В двадцать третий выпуск сборника SCHOLA вошли статьи по широкому кругу проблем истории социально-политических учений и политической текстологии, истории и теории политики, политической науки в целом, а также материалы двух тематических научных круглых столов.

Для политологов, философов, историков, всех, кто интересуется политологией и историей социально-политической мысли.

УДК 32
ББК 66

ISBN 978-5-19-011823-0

© Коллектив авторов, 2022
© Факультет политологии
МГУ имени М. В. Ломоносова, 2022

<i>Лунев В.Р.</i> Общественная палата РФ как институт гражданского общества	176
<i>Солоненко А.В.</i> Председатель Правительства Российской Федерации	181
<i>М.В. Мишустин</i> в восприятии граждан	
<i>Фролов А.А.</i> Особенности изучения реализации социальной политики в монопрофильных населенных пунктах Российской Федерации после распада СССР	184
<i>Obradović N., Atlagić S.</i> Social media tools as an instrument of contemporary political engagement – the attitudes of students in Serbia	187

Раздел V. Избранные материалы научных круглых столов

Из материалов круглого стола

«Идея согласия в западной и российской политической культуре: образы и ценности»

(Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, 5 декабря 2022 г.)

<i>Андерсон К.М.</i> Концепции согласия: методологические аспекты исследования	191
<i>Гуторов В.А.</i> О необходимости переосмысления традиционных теоретических и практических основ общественного согласия	195
<i>Денильханов А.Х.</i> Историческая оценка как фактор формирования политического вектора в общественном развитии	201
<i>Царегородцев С.С.</i> Общественное согласие в историческом контексте	204
<i>Шириняню А.А.</i> Русофобия в контексте общественного согласия	207
<i>Кургина Д.Ю.</i> Русофобия и советофобия: две стороны одной медали	212
<i>Иохим А.Н.</i> К вопросу о парадигмальных основаниях исследования общественного согласия	215
<i>Денильханова Э.А.</i> Традиционный ислам — залог мира, гармонии и общественного согласия	219
<i>Лагузова М.А.</i> О предпосылках аналитики общественного согласия в контексте изучения феномена посткоммунизма	222

Из материалов студенческого научного круглого стола

«К 250-летию М. М. Сперанского»

(Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, 24 мая 2022 г.)

<i>Николашина Л.Е.</i> М.М. Сперанский: портрет на фоне эпохи	225
<i>Нехлопочина О.А.</i> Вопросы воспитания и образования в социально-политической концепции М.М. Сперанского	227
<i>Кизяковский Г.В.</i> Специфика концепции разделения властей М.М. Сперанского	229
<i>Мягкова З.В.</i> Финансовая система в творческом наследии М. М. Сперанского	233
<i>Бондарь П.С.</i> М.М. Сперанский на посту генерал-губернатора Сибири: основные векторы реформ	235
<i>Глуховцев Г.А.</i> Творческое наследие Сперанского и современность	237

Гуторов Владимир Александрович

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики Санкт-Петербургского государственного университета; ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

О НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРАКТИЧЕСКИХ ОСНОВ ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ¹

Аннотация

В статье анализируются дилеммы, парадоксы и проблемы, связанные с современной теорией и практикой общественного согласия. Анализ доказывает необходимость переосмысления традиционных теоретических и практических основ такого сложного феномена, как согласие.

Ключевые слова: общественное согласие, толерантность, информированное согласие.

В своем выступлении я попытаюсь обозначить дилеммы, парадоксы и проблемы, которые делают предельно актуальной необходимость переосмысления традиционных теоретических основ и парадигм общественного согласия, равно как и практических способов его реализации в различных политических условиях, социальных и идеологических контекстах.

На первый взгляд, концепция согласия и ее многообразные теоретические и практические аспекты по-прежнему считается одной из наиболее приоритетных в современной западной политической теории. Более того, достаточно взглянуть на заголовки книг, опубликованных в последнее десятилетие, чтобы проникнуться иллюзией относительно того, что идея согласия окончательно восторжествовала не только в англо-саксонском ареале, но и во всем западном мире². Пропаганда всеобщей толерантности и сформировавшихся на ее основе соответствующих социальных практик способствует тому, что общественное согласие становится своеобразным «паролем», отворяющим дверь в мир доверия и цивилизованной жизни. Книжный рынок западных стран до предела насыщен многочисленными пособиями и руководствами, в которых популярно разъясняется жизненный смысл согласия как культурного феномена. Многочисленные образовательные программы обучают детей уже на ранней ступени развития усваивать общепринятый код социального поведения, исключая любые формы давления и принуждения в отношении индивидов. Например, в популярном издании Х. Бонди «Я тоже и вы: все, что вам нужно знать о согласии, границах и многом другом» смысл согласия «расшифровывается» следующим образом: «Многие вещи, которые мы не видим, влияют на отношения. Эти невидимые вещи могут сделать отношения хорошими или плохими, поэтому важно думать о них. Эти концепты включают согласие, границы, свободу действий, динамику власти, права и красные

¹ Исследование выполнено в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (проект «Современные концепции общественного согласия: актуальные проблемы политической теории и практики», регистрационный номер в ЕГИСУ НИОКТР 1022061600085-5-5.6.1) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

²См., например: *The Age of Consent: Young People, Sexual Abuse and Agency*. Ed. by Kate Gleeson & Catharine Lumby. Crawley, 2019; см. также: *Moten F. The Universal Machine*. Durham; London, 2018. P. 81, 100, 109, 112, 118, 136, 237; *Freitas D. Consent on Campus. A Manifesto*. New York, 2018; *Young S. Indigenous Peoples, Consent and Rights: Troubling Subjects*. London; New York, 2019; *Crépon M. Murderous Consent: On The Accommodation of Violent Death*. New York, 2019; *Propaganda in the Information Age: Still Manufacturing Consent*. Ed. by Alan Macleod. London; New York, 2019; *Little D. A New Social Ontology of Government: Consent, Coordination, and Authority*. Cham, Switzerland, 2020; *Springora V. Consent. A Memoir*. New York, 2021; и др. Подр.: *Gutorov V. Citizenship, national identity and political education: some disputable questions // Studies of Transition States and Societies*. 2015. Т. 7. № 1. С. 77–93.

флажки... Если вы даёте согласие, это означает, что вы сказали “да” или дали четкое разрешение. Взаимодействие осуществляется по обоюдному согласию. Если вы не даёте согласия, это означает, что вы сказали “нет” или не дали четкого разрешения. Взаимодействие происходит без согласия. Вот как формулируются прямые правила относительно согласия на основе принципа “Включите питание, говорите!” (“Power Up, Speak Out!”):

“Согласие — это активный процесс между двумя людьми”.

“Согласие зависит от вида деятельности”.

“Согласие должно даваться в свободном и ясном состоянии рассудка”.

“Согласие можно отозвать в любой момент”»¹.

Сегодня содержание понятия «согласие» как важнейшего элемента социально-политического дискурса постоянно актуализируется и видоизменяется. В зависимости того сегмента социума, в котором данное понятие интерпретируется, к нему добавляются различные специфические атрибуты, лишь оттеняющие его «вездесущность». Например, в период всемирного кризиса, вызванного эпидемией Ковид-19, когда на пациентах стали испытываться различные лекарственные препараты, а в дальнейшем и различные вакцины, предметом дебатов становится идея «информированного согласия». Так, характеризуя смысл данного понятия Харриет А. Вашингтон, автор новейшего исследования с характерным названием «Карт-бланш: эрозия согласия в медицине» так пытается выявить его смысл и содержание: «Что именно означает информированное согласие? У большинства из нас есть представление, пусть и расплывчатое, что в Америке двадцать первого века пациентов нельзя принуждать к медицинским исследованиям без их разрешения, и что это разрешение должно быть не только добровольным, но и основанным на полезном знании того, что исследование влечет за собой. Многие люди и даже некоторые медицинские работники считают информированное согласие листом бумаги, документом, подписанным субъектом, который указывает на его понимание цели исследования, требований и других важных деталей, включая известные риски. Но информированное согласие — это гораздо больше, чем просто лист бумаги. Информированное согласие помогает обеспечить соблюдение этических принципов автономии, благотворительности и справедливости, а подписанная форма является лишь одним доказательством, подтверждающим утверждение исследователя о том, что он объяснил все, что необходимо знать субъекту в разумных пределах, чтобы принять наилучшее решение о том, стоит ли ему участвовать. Исследователь должен поделиться информацией, руководствуясь вопросом: что нужно знать среднему пациенту, чтобы быть информированным участником при принятии решения? Ему также следует помнить о вопросе: что обычный врач скажет об этом исследовании?... Информированное согласие также означает предупреждение субъекта о возможных последствиях для образа жизни: Будет ли он утомлен? Будет ли чувствовать дискомфорт? Сможет ли спать или водить машину? Информированное согласие является непрерывным, а не статичным, поэтому о любых событиях или открытиях, которые появляются в ходе исследования, например, о побочных эффектах, которые могут повлиять на решение субъекта продолжить участие в исследовании, следует сообщать участникам. Ответственность за передачу этой информации сохраняется на протяжении всего исследования, поэтому субъекты должны быть предупреждены, например, о любых опасных эффектах, которые могут возникнуть во время исследования. Информированное согласие может проявляться совершенно иначе, когда пациент рассматривает возможность лечения, по сравнению с тем, когда субъект рассматривает возможность участия в исследовании»². Рассуждения и выводы Х. Вашингтон в чисто теоретическом плане выглядят несколько прагматичными и ограниченными по той простой причине, что в них отсутствует важная акцентировка, связанная с трактовкой понятия «субъект согласия». Проблема заключается в том, что, как это ни парадоксально, автономные действия могут осуществляться не только автономными индиви-

¹ Bondy H. Me Too and You: Everything You Need to Know about Consent, Boundaries, and More. Minneapolis, 2020. P. 24.

² Washington H.A. Carte Blanche: The Erosion of Medical Consent. New York, 2021. P. 13-14.

дами, которые привыкли действовать самостоятельно, но также «неавтономными индивидами», которые в силу субъективных предпочтений или сложившихся обстоятельств не могут или далеко не всегда способны действовать автономно¹. В настоящее время большинство исследователей признают, что, например, идеология неолиберализма в ряде важных аспектов активно влияет на формирование нормативно-ценностных и символических структур политического дискурса посткоммунистических стран; она органически «встроена» в программы политических партий, парламентские дебаты и структуры массмедиа; формирование идеологического дискурса осуществляется по большей части ситуационно, в зависимости от складывающейся внешне- и внутривнутриполитической конъюнктуры. Нередко граждане — основной потребитель дискурсивной продукции — с трудом могут понять истинный смысл политических речей и принимаемых решений.

Разворачивающиеся на наших глазах глобальные политические события и процессы до предела усилили обозначенные выше методологические сомнения. Военный конфликт на Украине и предельно иррациональный взрыв русофобии в США и странах Евросоюза отчетливо высветил многие ракурсы «темной стороны согласия» (если воспользоваться аналогией со знаменитой книгой Майкла Манна²), которые прежде считались маргинальными и находились на периферии общественного сознания и государственной политики. Лавина дезинформации и фейков, обрушившаяся практически на все страны мира, постоянно заставляет специалистов обращаться к сложившимся ранее парадигмам критического анализа, способствующим пониманию природы происходящих на наших глазах радикальных сдвигов в политике и общественном сознании. В итоге политики и ученые все больше считают непреложным факт, что мы все окончательно переместились в мир так называемой «пост-правды» и поэтому должны примириться с бесконечными потоками лжи, манипуляций, бессодержательной пропаганды, предельно примитивизирующей сложившиеся представления о рациональной политике, демократических нормах, и попытаться разработать новый понятийный аппарат и вокабуляр, отражающие новую реальность. Эта реальность совсем недавно была очень ярко обрисована в книге Венди Браун «На руинах неолиберализма: подъем антидемократической политики на Западе»³.

В свое время, в 1988 г. Ноам Хомский и Эдвард Херман в работе «Производство согласия: политическая экономия средств массовой информации» выделили вполне отчетливые критерии, позволяющие оценить основные характеристики «модели пропаганды», сформировавшейся в западных странах в послевоенный период: «они служат для мобилизации поддержки особых интересов, которые доминируют в государственной и частной деятельности... Особое значение пропаганды в том, что Уолтер Липшман называл «производством согласия», уже давно признано авторами, писавшими об общественном мнении, пропаганде и политических требованиях общественного порядка»⁴. Три десятилетия спустя Алан Маклеод в книге «Пропаганда в век информации: по-прежнему фабрикаем согласие» признал, что сложившаяся модель фабрикация общественного мнения и согласия стала устойчивым фактором государственной политики: «Модель пропаганды утверждает, что существуют пять фильтров, через которые должны пройти все потенциально важные события, прежде чем они попадут на экран вашего телевизора, смартфона или в газету... Вот эти пять фильтров: 1. Размер, концентрация, собственность элиты и корыстные цели СМИ; 2. Зависимость от рекламы как основного источника дохода; 3. Опора на информацию, предоставленную государством, крупным бизнесом и другими официальными «экспертами», финансируемая сильными мира сего; 4. Зенитная артиллерия как дисциплинирующий механизм; а также: 5. Национальная религия антикоммунизма, которая действует

¹ См. подробнее: *Faden R.R., Beauchamp T. L. A History and Theory of Informed Consent. New York; Oxford, 1986. P. 89-100, 158, 237, 277.*

² *Mann M. The Dark Side of Democracy: Explaining Ethic Cleansing. Cambridge, 2004.*

³ *Brown W. In the Ruins of Neoliberalism: The Rise of Antidemocratic Politics in the West. New York, 2019. P. 1-2.*

⁴ *Herman E.S., Chomsky N. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. London, 2008. P. 55.*

как инструмент дисциплины и контроля»¹. В наши дни антикоммунизм довольно плавно и без каких-либо существенных изменений в функционировании «машины, обеспечивающей согласие», заменила русофобия. Нужно отметить, что в историческом плане оппозиционная модель «сфабрикованного согласия» возникла практически одновременно с моделью «инженерии согласия», разработанной Эдвардом Бернайсом и имевшей, если не апологетический, то вполне позитивный смысл и коннотации. В эссе «Инженерия согласия» Э. Бернайс пояснял, что «инженерия согласия...просто означает использование инженерного подхода, то есть действие, основанное только на глубоком знании ситуации и на применении научных принципов и проверенных практик для того, чтобы заставить людей поддерживать идеи и программы». При этом он несколько наивно, но вполне справедливо полагал, что «ни при каких обстоятельствах инженерия согласия не должна замещать или вытеснять функции образовательной системы, формальной или неформальной, в обеспечении понимания людьми как основы их действий»². Процесс глобализации, повсеместное распространение неолиберальных парадигм экономики и политики, провоцирующие войны и кризисы отчетливо свидетельствовали о том, как избранные политики, так и назначенные чиновники, надежд Бернайса явно не оправдали. В наши дни даже убежденные сторонники глобализации (не говоря уже об ее противниках), вынуждены признать правомерность широко распространенных опасений относительно того, что «глобализация ослабила демократические процессы на национальном уровне путем непредставительных способов управления, которые используют либо никем не выбранные глобальные технократы, представляющие различные многосторонние агентства, либо частные акторы, действующие в неформальном и политическом вакууме...»³. В области теоретического конструирования некоторые ученые активно развивают свои идеи так называемой «космополитической демократии»⁴. Бесконечные рассуждения о наступлении «пост-гражданских прав», наводнившие западную научную литературу и публицистику, постоянно провоцируют ступор мысли, порождая абстрактные риторические формулы относительно создания новой модели гражданского образования для «пост-нормативных» граждан, которая, естественно, плохо укладывается в традиционные теории гражданского общества и либеральной демократии⁵.

Глобализация и в чисто временном плане, и, по сути, тесно связана с распространением интернета. Его огромное влияние на экономическую, политическую и социальную жизнь современных обществ оказалось настолько захватывающим (в настоящее время – более полутора миллиардов пользователей), что можно вполне понять почему не только в популярных изданиях, но и в академических работах, начиная с середины 1990-х годов, воцарилась своеобразная «эйфория предчувствий» и прогнозов в отношении новой грядущей эпохи революционных преобразований. Основу прогнозов составлял модифицированный техноцентризм, который был плохо совместим со стремлением к строгому научному анализу интернет-технологий в социально-политическом контексте. Напротив, преобладало убеждение, что перспектива нового технологического бума и будущего всеобщего процветания «омолодит» демократическую традицию, и в результате внедрения таких нововведений как «электронное правительство» (“e-government”), «народный интернет-референдум» и др. приведет к всемирной эпохе «культурной демократии». Ее нормы будут

¹ Macleod Alan. Propaganda in the Information Age: Still Manufacturing Consent. Ed. by Alan Macleod. London; New York, 2019. P. 11-12.

² См.: Bernays E. The Engineering of Consent // The Edward Bernays Reader: From Propaganda to the Engineering of Consent. New York, 2021. P. 22-23; 47-48.

³ Maswood S.J. Revisiting Globalization and the Rise of Global Production Networks. Cham, Switzerland. 2018. P. 158.

⁴ См.: Archibugi D. The Global Commonwealth of Citizens: Toward Cosmopolitan Democracy. Princeton, New Jersey. 2008; Bhargava V.K. Global Issues for Global Citizens: An Introduction to Key Development Challenges. Washington. 2006; Walter S. EU Citizens in the European Public Sphere: An Analysis of EU News in 27 EU Member States. Wiesbaden. 2017.

⁵ См.: Strandbrink P. Civic Education and Liberal Democracy: Making Post-Normative Citizens in Normative Political Spaces. Cham, Switzerland. 2017.

несовместимы с существованием слабых, обездоленных и маргиналов, властью бюрократов и автократов. Глобальное медиа-пространство интернета «спрессует» мир, инициировав диалог между народами и ускорив их взаимопонимание. Революционные изменения, подобно тому, как это происходило с общественными структурами в результате распространения книгопечатания или открытия европейцами пороха, станут необратимыми в силу таких свойств интернета как предельная интерактивность, глобальная доступность, дешевизна, скорость, сетевая подвижность, способность сохранения гигантских массивов информации и ее практическая неконтролируемость¹. В свете таких ожиданий вполне естественным представлялся и вывод, согласно которому интернет-технологии станут основой для создания принципиально новой революционной модели образования. Однако ни одной из внезапно вспыхнувших надежд не суждено было сбыться в том виде, в котором это представлялось воображению адептов будущих реформ. В целом интернет не оправдал надежд на ускорение международного взаимопонимания, постепенно превращаясь в некое гигантское зеркало, отражавшее в глобальном масштабе традиционные социальные недуги — неравенство, языковую и культурную разобщенность, конфликт ценностей и интересов. Интернету не удалось расширить и «омолодить» демократию не только по той простой причине, что авторитарные режимы нашли способы его контролировать, им даже удалось усилить с его помощью отчуждение масс от политики.

Следует признать, что сегодня в условиях радикального изменения политического ландшафта в современном мире концепция «народной власти» становится все более туманной. Данная тенденция постоянно усиливается под влиянием самых различных фактов и тенденций. Например, типичным продуктом современной эпохи является прокси-политика. Прокси, буквально заместитель или суррогат, сегодня часто относится к компьютерному серверу, выступающему в качестве посредника для запросов от клиентов. Эти серверы упрощают не прямые подключения к сети. Прокси-серверы направляют трафик через серверы в других местах и под другой юрисдикцией, тем самым обходят цензуру или блокировку и обеспечивают анонимность пользователей. Однако их можно настроить и для противоположной задачи: для мониторинга трафика. Происходя от латинского *procurator*'а — агента, представляющего других в суде, доверенных лиц, данный термин стал символом постдемократической политической эпохи; прокси-серверы стали символом постдемократической политической эпохи, в которой все больше и больше населяют боты-ополченцы, марионеточные государства и ретрансляторы связи. Марионеточные государства — это другое, не обязательно цифровое, проявление прокси-политики — форма, которая может быть такой же старой, как и само государство. Марионеточное государство или правительство могут казаться независимыми и суверенными, тогда как на самом деле они подчиняются внешней силе. Независимо от того, действительно ли государство контролируется державой-союзником, очевидно, что вера в такую перемещение власти становится все более распространенной. Являются ли доверенные лица современной формой формирования общественного мнения и согласия? Или они свидетельствуют о материализации постдемократической эпохи, которую Жак Рансьер определил как «демократию, устранившую видимость, просчеты и споры людей»²? Адекватность определения Рансьера во многом подтверждается распространением прокси-войн, ставших одним из самых характерных явлений характерных явлений «постдемократии». В истории военных конфликтов прокси-войны представляют собой длинную извилистую нить. Привлекательность «войны по дешевке» оказалась непреодолимым «стратегическим искушением» на протяжении веков. В своей книге «Прокси-война» Эндрю Мамфорд разработал убедительную концептуальную основу для объяснения динамики и происхождения данного типа войн, в которой проблема согласия также находит отражение³. Современный военный конфликт на Украине является одним из наиболее типичных таких случаев. Проводя политику от-

¹ См.: Curran J., Fenton N., Freedman D. *Misunderstanding the Internet*. London; New York. 2012.

² Ranciere J. *Dis-agreement: Politics and Philosophy*. Minneapolis, 1999. P. 102.

³ Mumford A. *Proxy Warfare*. Cambridge, 2013.

кровенной русофобии и милитаристской пропаганды, нынешняя политическая элита этой страны бросила в пекло войны основную массу населения без всякого согласия с его стороны.

Таким образом, даже небольшое число перечисленных выше дилемм, парадоксов и проблем, связанных с осмыслением сути общественного согласия, свидетельствует в пользу необходимости переосмысления традиционных теоретических и практических основ такого осмысления.

Библиография

Archibugi D. The Global Commonwealth of Citizens: Toward Cosmopolitan Democracy. Princeton, New Jersey, 2008.

Bernays E. The Engineering of Consent // The Edward Bernays Reader: From Propaganda to the Engineering of Consent. New York, 2021.

Bhargava V.K. Global Issues for Global Citizens: An Introduction to Key Development Challenges. Washington, 2006.

Bondy H. Me Too and You: Everything You Need to Know about Consent, Boundaries, and More. Minneapolis, 2020.

Brown W. In the Ruins of Neoliberalism: The Rise of Antidemocratic Politics in the West. New York, 2019.

Crépon M. Murderous Consent: On The Accommodation of Violent Death. New York, 2019.

Curran J., Fenton N., Freedman D. Misunderstanding the Internet. London; New York, 2012.

Faden R.R., Beauchamp T. L. A History and Theory of Informed Consent. New York; Oxford, 1986.

Freitas D. Consent on Campus. A Manifesto. New York, 2018.

Gutorov V. Citizenship, national identity and political education: some disputable questions // Studies of Transition States and Societies. 2015. Т. 7. № 1. С. 77–93.

Herman E.S., Chomsky N. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. London, 2008.

Little D. A New Social Ontology of Government: Consent, Coordination, and Authority. Cham, Switzerland, 2020.

Mann M. The Dark Side of Democracy: Explaining Ethic Cleansing. Cambridge, 2004.

Maswood S.J. Revisiting Globalization and the Rise of Global Production Networks. Cham, Switzerland, 2018.

Moten F. The Universal Machine. Durham; London, 2018.

Mumford A. Proxy Warfare. Cambridge, 2013.

Propaganda in the Information Age: Still Manufacturing Consent. Ed. by Alan Macleod. London; New York, 2019.

Ranciere J. Dis-agreement: Politics and Philosophy. Minneapolis, 1999.

Springora V. Consent. A Memoir. New York, 2021.

Strandbrink P. Civic Education and Liberal Democracy: Making Post-Normative Citizens in Normative Political Spaces. Cham, Switzerland, 2017.

The Age of Consent: Young People, Sexual Abuse and Agency. Ed. by Kate Gleeson & Catharine Lumby. Crawley, 2019.

Walter S. EU Citizens in the European Public Sphere: An Analysis of EU News in 27 EU Member States. Wiesbaden, 2017.

Washington H.A. Carte Blanche: The Erosion of Medical Consent. New York, 2021.

Young S. Indigenous Peoples, Consent and Rights: Troubling Subjects. London; New York, 2019.

Научное издание

SCHOLA-2022

Сборник научных статей факультета политологии
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Под редакцией *А. Ю. Шутова, А. А. Шириняни*

Составители *А. В. Мырикова, А. Б. Страхов, А. А. Шириняни*
Подготовка текстов *Д. Ю. Кургинова, А. Б. Страхов*

Верстка *А. Р. Панов*

Подписано в печать 22.12.2022. Формат 60×90/8
Уч.-изд. л. 13,95. Усл. печ. л. 30,0.
Тираж 200 экз. Изд. № 12394. Заказ

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
60300, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37